



**Д. П. Шпиленко**

Федеральное государственное казенное учреждение  
Российский государственный архив древних актов  
(Москва, Россия)

**В. Г. Рохмистров**

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русская  
христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского»  
(Санкт-Петербург, Россия)

**ТЕКСТ ВСТУПЛЕНИЯ К «КНИГЕ АЛЬ-КОРАН  
АРАВЛЯНИНА МАГОМЕТА...» (1790)  
М. И. ВЕРЕВКИНА:  
ОРИГИНАЛ И СОВРЕМЕННЫЙ  
РУССКИЙ ПЕРЕВОД\***

**ШПИЛЕНКО Дмитрий Павлович —**

специалист 1-й категории,  
Российский государственный архив древних актов  
(119435, Россия, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17).  
E-mail: dshpilenko@yandex.ru

\*



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Д. П. Шпиленко, 2026, набор текста

© В. Г. Рохмистров, 2026, современный русский перевод, примечания

© Ислам в современном мире, 2026

**РОХМИСТРОВ Владимир Геннадьевич —**

аспирант, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А); редактор, ООО «Издательский дом "Медина"» (109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).  
E-mail: parmenidiki@mail.ru

**Аннотация:** В настоящей работе впервые приводится оригинальный текст вступления к «Книге Аль-Коран аравлянина Магомета...» (1790) вместе с его современным переводом на русский язык. Автором вступления является российский просветитель, литератор и переводчик М. И. Веревкин (1732–1795). Публикация продолжает серию исследований Московского исламского института в сотрудничестве с Российским государственным архивом древних актов, посвященных бытованию текста Корана в России и Европе. Концептуальную основу предисловия формируют два начала: классический французский перевод Корана (1647) Андре дю Рье (ок. 1580–1660?) и самостоятельное видение русского переводчика — М. И. Веревкина.

**Ключевые слова:** Коран, Коран в России, Коран в Европе, Веревкин М. И., Андре дю Рье

**Для цитирования:** Шпиленко Д. П., Рохмистров В. Г. Текст вступления к «Книге Аль-Коран аравлянина Магомета...» (1790) М. И. Веревкина: оригинал и современный русский перевод // Ислам в современном мире. 2026. Т. 22. № 2. С. 263–288. DOI: 10.22311/2074-1529-2026-22-2-263-288

Поступила в редакцию: 10.06.2026

Принята к печати: 30.06.2026

## Вступление<sup>1</sup>

**С**лово «Коран» происходит от глагола Аравского «Караа», сиречь «читать», свойственно же значит «чтение», или читаемо быти должествующее. Под названием таковым разумеют Магометане не токмо всю книгу сию, но каждую оную главу и каждой главы отделение: подобно как и Евреи Священное писание вообще и онаго

<sup>1</sup> Приводится по: Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих: Перевод с арабского на французский язык Андрея дю-Рюэра-де-ла-Гард-Малезера <...> Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 году, по-русски же переложена, Московского наместничества, Клинской округи, в сельце Михалева. СПб., 1790. Ч. 1. С. XVII–XXXIV. Орфография оригинала сохранена; исторический буквенный состав адаптирован к составу современного русского алфавита. О переводе Корана М. И. Веревкина (1790) см.: Мухетдинов Д. В. Перевод Корана М. И. Веревкина (1790) — жемчужина российского Просвещения // Ислам в современном мире. 2026. Т. 22. № 2. С. 23–54.

части нарицают «Караг», или «Микра», слово, один и тот же источник имущее, как и слово же Аравское «Коран».

Но тако определяя смысл слову «Коран», опровергается мнением неких учителей Аравитских, которые утверждают, что книга Коран сице наречена: ибо состоит из глав. Глагол «Караа» значит же «собирать» и «совокуплять».

То же самое отражает доказательства неких, будто бы вся сия книга сочинена была не в разные времена, а вдруг, так назвать, одним присеством, следовательно, и не составлялась из откровений частями, в разные времена и в многие годы, как утверждают Магометане.

К слову «Коран» приобщаема бывает частица «Аль», означающая имя рода мужеского, следовательно, Коран и Аль-Коран единое есть.

Книга, о коей здесь слово, сверх главного сего, свойственного ей, названия, имеет еще многия. Как-то:

— «Аль-Фолькан», от глагола «Фарака», «разделять» или «различать»; не потому, как объясняют оное законники Магометанские, что разделена на главы и отделения, или что научает различати благо от зла; но в соответствии Еврейскому слову «Перек», или «Перка», происходящему от Аравского же глагола «Фарака», значущаго отделение, или некую особую часть писания;

— «Аль-Мозгаф» — то есть листовая книга;

— «Аль-Китаб» — книга изящнейшая;

— «Аль-Джикр» — провозвещение.

— «Аль-Коран», или «Коран», разделяется на сто четырнадцать отделений неравных, Аравлянами зовомых «Совар». Слово редко употребляемое у них во ином смысле, да и не иначе, как токмо во единственном числе, то есть «Сура». Назовем сие мы главами.

«Сура» толкуется: совоспоследование, порядок, ряд вещей, как, например, кирпичи в стене, или строй людей ратных. «Сура» у Аравлян и «Тори» у Еврей, суть слова однозначущие: так последние нарицают пятьдесят три отделения в Пятикнижии Моисеевом «Седарим», то же самое значущим.

Главы «Корана» не размечены цифрами одна за другою, а только каждая особым своим заглавием, выключая перьвой токмо и которую старинные Европейские переводчики на язык Латинский, не приобщая ко главам, разумели предсловием.

Оглавления таковыя взяты или из пишимаго в каждой главе, или заимствованы от лиц, коих словеса во оных полагаются, а всего чаще от примечательнейшаго слова, коим начинается, подражательно Евреям, держащимся обычая сего относительно к их «Седариму». Но примечательнейшее такое слово главы не во всякой из оных поставлено в начале, а иногда весьма далеко в строках, иногда же на самом конце главы. Странность, произшедшая, как думать можно, что стих главы,

вмещающий подобное слово, выговорен был пред народом, или предан писанию прежде всех прочих; а по сему каждая же глава получила название свое прежде, нежели была окончена, или прежде, нежели содержание ее расположено было порядком.

Некоторые главы имеют по два и более названий; причинствовали тому переписчики на разных местах.

Некоторые главы провозвестились народу в городе Мекке, другие же в Медине: то и сие послужило же к разности наименования оных. От читателей не укроется, что многия выданы частию в том, другою в другом из сих городов; да и возникли от сего то вечные споры между Магометанцев, за Меккския ли или Мединския принимать оныя должно.

Всякая глава разделена на части неравныя, под названием «Стихов», или по-Аравски «Айят». Сие значит то же самое, что у Евреев «Ототт», или «чудо», имя, приличествующее Таинствам Божиим, его свойствам, его деяниям, его судьбам, его повелениям, объясняющимся в стихах таковых: многие стихи имеют особые свои собственные названия.

Стихи в главах не размечены цифрами по порядку в рукописях Магометанцев. Кажется, что ставят оное грехом. Наибольшая часть в разных же изданиях Аль-Корана состоит в числе и разделении стихов.

Изданий Аль-Корана главных суть семь, есть ли сопричислять к тому же старинные списки с книги сей. Два обнародованы в Медине, паче прочих употребительнейшие, третий в Мекке, четвертый в Куфе, пятый в Басре, шестой в Сирии, седьмой же всеобщий на всех местах, Магометанами обитаемых.

В Коране издания перьваго стихов шесть тысяч, втораго и пятаго шесть тысяч двести четырнадцать, третьяго шесть тысяч двести девятнадцать, седьмаго шесть тысяч двести двадцать пять, однако же, называют, что все оные состоят из семидесяти семи тысяч шести сот тридцати девяти слов, букв же триста дватцать три тысячи, сто пятнадцать. Магометане подражали в том Евреям, с подобным же суеверием исчислявшим буквы Моисеева закона, означив же и то, и сколько крат каждая буква написана в Коране.

Окроме разделения такового, неравнаго, на главы и стихи, еще разделяют же Магометане Аль-Коран на шестьдесят частей равных, именую каждую «Агцап», в единственном «Гицб», каждый Гицб содержит у них четыре равныя отделения, подражательно Евреям, разделявшим древле их «Мисну» на шестьдесят частей, или Масиктотов. Обычайно делится Аль-Коран на тридцать токмо частей, или Аизов. Аиз происходит от единственного «Иоз», из коих каждый вдвое длиннее Агцаба. И также делится на четыре части.

Сицевое разделение Аль-Корана учинено для удобства чтения в мечетях Султанских, и по приделам, где погребаемы бывают они и самые знатнейшие их вельможи. В каждом таком приделе по

тритцати чтецов, из коих каждый же прочитывает на всяк день одно отделение, следовательно, весь Аль-Коран ежедневно прочитываем бывает. ...Мне случилось видеть тритцать таких отделений, переплетенных особыми книжками.

По зачале каждой главы, выключая девятой, зрится «Бисмилаг», или следующие слова: «Во имя премилосердаго Бога». Да и в зачале всякой книги, всяких сочинений, какая бы то ни была, Магометане ставят сей «Бисмилаг», вменяя в нечестие противное тому.

Евреи, подобно же, пред всяким сочинением ставят же следующие слова: «Во имя Господне», или «во имя великаго Бога», как и Христиане исповедания Греческаго: «во имя Отца, и Сына, и святаго Духа».

Магомет, по мнению моему, в том равно последовал, как и в другом многом, «Магам» Персов, коих всякия книги начинались тако: «Бенам ецдан баггсаистбгер Дадар», сиречь «во имя Бога праведнаго и премилосердаго». Законники Магометанцев и толкователи Аль-Корана начальным словам сим и названиям глав присвояют происхождение Божественное, равно как и оных содержаниям; но благоразумнейшие между ими приемлют оное прибавлениями от человеков, а не вменяют в собственные Божеския словеса.

Двадесять девять глав во Аль-Коране начинаются некоторыми известными буквами альфавита, частию одними и теми же, другою, многими сряду.

Магометане верят, что во оных скрываются непостижимыя таинства; что не дано разуметь оных никакому смертному, кроме единого пророка их; но есть и такие, которые отваживаются посредством Иероглифических разысканий, что Евреи зовут «Нотарикон», узнавать смыслы, мысля, что буквы таковыя означают собою все свойства Божеския, все его творения, все его веления, все его судьбы, почему и слывут «знаками Аль-Корана».

Другие утверждают, что буквы сии способствуют произносить человеку языком помянутыя свойства; еще некоторые же находят в них исчисление смыслов, ими замыкаемых в себе, по правилам инаго рода Кабалистики же Еврейской, называемой «Гкматрия».

Пять глав Аль-Корана начинаются буквами: А, Л, М... Одни умствуют, что буквы сии означают слова: «Аллах Латив Магид», сиречь: Бог есть милостив и да будет прославляем; другие: «Ана ли минни», мне и мною, сиречь: во мне всякое совершенство, мною производится всякое благо; третии: «Ана Аллаг Аллам», аз есмь Бог премудрый. Первья буква А, средину слова втораго, третья буква М, конец третьяго слова; или еще инако: «Аллаг Габриэль Магомет», как бы кто хотел выговорить: творец открыватель, проповедник Аль-Корана.

Еще некоторые думают, что буква «А» есть гортанная, следовательно, произносится первою силою голоса человеческого; что буква «Л»

произносится внутреннюю у стен его, или среднюю онаго силою; что буква М губами, то есть последнюю: все же в совокупности проявляет, что Бог есть начало, середина и конец всяческих; или инако, что должныствуют человеки хвалить его при начале, середине и конце всех дел, всего ими говоримаго. Арифметическое число трех сих букв в совокупности составляет семдесят один, то будто и знаменуется чрез оно, что закон Магометов чрез семдесят и один год распространится и утвердится в народах.

Некто из ученых Христиан весьма правде подобно рассуждал, что сии буквы полагаемы были письмоводцем Магометовым во означение следующего смысла: «Амар ли Магомет», сиречь: «по велению Магомета», и что пять же букв пред главою девятою на десять поставлены писцом же его Евреянином: «Ког Яас», сиречь: «так повелел он».

Слог Аль-Корана всеобщее принят за самый чистый и красный, ибо писан на краю Аравии, который населяем был поколением Кореишев, вежливостию и возвышенными мыслями превосходивший все прочие наречия Арабския. Красоту слога разумеют все Магометане выше сил человеческих к подражанию, и который един сам по себе довлеет ко уличению рода человеческого, что происхождение его небесное есть; да и тем самым предпочтительнее всему утверждал Магомет ниспослание свое от Бога; говаривал пред народом: «Признаюсь уличенным в неправде, естли отыщется кто либо из наикрасноречивейших во всей Аравии (в его время великое множество принадлежало к Риторике), который напишет хотя одну главу, могущую сравниться с которою либо главою же Аль-Корана».

Приведу пример между безчисленного множества других, что книга сия, в самой вещи, написана слогом достойным удивления, ради онаго преизящности. Поэма Лабид Эбн Рабия, наизнаменительшаго стихотворца времен Магометовых, наклеена на одной половине двери Меккского храма: чести таковыя удостоивались токмо сочинения, от всех вообще принятыя трудными к подражанию; на другой половине той же двери помещена была вторая глава из Аль-Корана. Лабид (тогда еще был идолопоклонником) приходит, прочитывает, поражается глубокомысленностию и красотою слога, вопиет: «Не человеческого пера есть произведение сие!» — становится Магометанцем. Лабид потом оказывает великия заслуги Магомету, ответствуя стихами прекрателям его собственной особы и провозвещаемаго им закона, особенно же Амри Аль-Кансу, владельцу поколения Асадского, сочинителю одного из седми преславных тогдашних стихотворений, которые назывались «Аль-Моалакат».

Слог Аль-Корана везде прекрасен и текущ, паче же на местах подражательных речениям Пророческим и стихам Библейским; в прочем есть сжатый, не редко же и темный, украшенный Риторическими фигурами по вкусу народов восточных; но приманчив по изречениям

замысловатым и много значущим. Где же пишется о величии Божиим, Божественных его свойствах: высок и велелепен, хотя и сочинен прозою. Наречия важныя окончиваются рифмами, для коих иногда прерываем или переносим бывает смысл от строки в другую и подает поводы ко многим повторениям того же самага, весьма неприятным в предложении на чужий какой либо язык. Посему то трудно разуместь Аль-Коран и почти все сочинения Аравския.

Чудныя происходят действия искусства от выбора слов и оных расположения, ибо оным, подобно Музике, как бы очаровывается слух. Наипреставнейшие витии, простертые слов, не последнюю всегда разумели красотою искусства сего.

Магомет, всеконечно ведая то, не пропустил нигде во мнимых своих откровениях народу Божественных таинств, удерживати достоинство и высоту слога, подражательно Пророкам Ветхаго Завета; да и при всякой удобности не забывал наполнять приманчивостями для слушателей своих, к совершенному преклонению их на мысли, какия вперити им хотел. Многими из противников своих был порицаем, будто бы имело обаятельную силу все исходящее от уст его.

Конец намерения, или цель Аль-Корана его (говорю я так словами некоего знаменитого ученостию мужа), кажется, состоял в том, дабы обратить в единое и то же исповедание веры все Аравския поколения, из коих большая часть были язычники, прочие же Жида и Христиане. Закон, преподаваемый Аль-Кораном, научал признавать Бога единого, вечного, невидимаго, всяческая создававшего, дающего бытие несуществующему, вседержителя судиею и владыкою всего сотворенного и сотворяемого им. Аль-Коран содержит в себе предания, некоторые известные законы, обряды и чиноположения внешния: частию в сообразность древним таковым же, частию же новопримышленным: предвозвещает временныя и вечныя награды и наказания за благия и злыя дела.

Второю целию Аль-Корана есть, дабы все народы повиновались Магомету, яко Пророку, посланнику Божиему, который со временем возможен распространити учение свое силою оружия по всему лицу земному и будет признан от всех же онаго концев единым верховнейшим первосвященником и единым же верховнейшим обладателем рода человеческого.

Следовательно, существенное учение Аль-Корана есть, дабы признаваемо было Божие единство, и что не было, нет и никогда не будет какаго либо инаго истиннаго исповедания веры, вечной, неременной; что всякий раз, егда она развращалась в роде человеческого, ниспосылал Бог исправителями Пророков своих, между коими главнейшие были: Моисей и Иисус Христос, Магомет же напоследок ниспослан от него, как бы печатью Пророчеств, что после его не будет уже никого инаго до скончания света.

Привлекал к послушествованию себе примерами ужасных казней Господьних за отвержение Пророчеств, за изгнание Пророков его. Большею частию примеры сии взяты из Ветхаго и Новаго Завета; а того еще наипаче, из книг старинных неизвестных писателей, преданий Жидовских и Христианских тогдашнего времени. Да и верю я, что во всем Аль-Коране нет ниже одного такового примера, который бы был вымышлен Магометом.

Все иное во Аль-Коране наполнено установлениями законов, самых нужнейших для общежития человеческого, советов и увещаний вести жизнь добродетельную, богоугодную, наиболее же поклоняться единому истинному Богу, признавати его единого Создателем и вседержителем всяческих, во всем вверяться его святой воле. Между правилами сими положены преизящныя нравоучения, достойныя читаны быти даже и от самих Христиан.

Много мест во Аль-Коране, случайно во оный внесенных, надлежащих до некоторых частных обстоятельств. Ибо всякий раз Магомет, бывая чем либо озабочен, принимал прибежище ко откровению новейшему, как верному средству для всего сомнительного. Подобное политическое его ухищрение не низводит весь Аль-Коран во всей его целости на землю, а только до перьваго неба, то есть ближайшаго от земли: была ли бы сия книга обнародована вдруг, а не по частям, неминуемо заставлен бы был опровергнуть безчисленные возражения, трудныя, а может быть, и непреодолеваемыя. Сказывая народу, что Господь Бог ниспосылал к нему часть онаго за частию токмо, по нужде смотря для наставления человеков, то и предоставлял себе способы упреждать затруднения таковыя.

Магометане опровергающим вечность Аль-Корана отвечают, сообразно приемлемому ими предопределению Божию, во всем; почему и откровение Аль-Корана частями акибы происходило от самая вечности предустановленным порядком.

Что Магомет действительно был сочинитель и вымыслитель Аль-Корана, сие есть неоспоримо, хотя, вероятно же, имел помощников себе в том. Самые его соотечники (так!) верили последнему, разнятся однако же в наименовании таковых помощников ему.

Ученый муж, Придо, самое правдоподобнейшее имел мнение, хотя основывается оное большею частию на Христианских сочинителях, которые не заслуживают уважения, ибо все повествованное ими сорасстворено было с баснословиями грубыми.

Но как бы то ни было, Магометане утверждают, что Аль-Коран не есть сочинение Пророка их, ниже кого либо другаго, да и в том состоит один из догматов веры их: что книга сия имеет происхождение преестественное, то есть вечна, как и сам Бог; что она в Бозе, как и Бог в ней; что перьвый ея список, от самая же вечности, возлегал на престоле

вседержителя, изображенный на дске (так!) превеликой, называемой «дска судеб», где значатся же определения Божеския, относительныя ко всему минувшему и грядущему; что с такового списка список на бумаге принесен был с небес Архангелом Гавриилом на самое нижнее небо в месяце Рамазане, ночью, прозываемою «Аль-Кадр», или могущества; что с сего нижняго неба Гавриил сносил Магомету частями, то в Мекку, то в Медину, чрез продолжение дватцати трех годов, смотря потому, как онаго требовали обстоятельства: утешая же его обещанием показывать во всей его целости по единожды на всякий год, переплетенный в шелковом обертке, украшенный золотом и драгоценными камнями райскими... Магометане верят, что тако утешен он был дважды в последний год жизни своей; верят же, что немногия главы Аль-Корана отданы ему были Гавриилом целыми, а местами только из оных не по порядку одна за другим; да и тако же списывались его грамотеями, доколе не дополнилось все сие сочинение под надзиранием Архангела. Все Магометане, без исключения, того мнения, что перьвые пять стихов девяносто шестой главы перьвоначально вручены были Магометом от Гавриила.

По мере, как выходили стихи Аль-Корана от пера писцов Магометовых или слышаны были из уст последняго, разсеваемы были в народе: частию списывались, большею же вытверживаемы были наизусть, предаваемые письму полагались не по порядку, а только по времени как выходили, прикладываемы были одно к другому; а по сему то и неизвестно, когда точно каждый получил от Архангела. По смерти Магометовой остались откровения сии в таком же точно беспорядке, а не так расположенными, как находим ныне: последнее было дело рук преемника его Абу-Бекира. Собрал он не только написанное на листах пальмовых и скотских кожах, хранимых каждый таковой лист, или каждую такую кожу, между двух досок; но предал же письму и все то, что мог упомянуть из слышаннаго им от Магомета. Блюстительницею всего онаго избрана жена Пророческая Гавса, дочь Омарова.

По сему и приемлется Абу-Бекир собрателем (так!) частей Аль-Корана во одну книгу, хотя и вероятнее есть, что совокупленными таким образом главы онаго уже по смерти Магометовой, выключая некоторых мест, приобщенных после, или исправленными в сходственность слышаннаго от него изустно Абу Бекиром, который расположил только главы порядком, дав длиннейшим из них перьвые места.

На тритцатом году «Эгиры», или от бегства Магометова из Мекки в Медину, Оттман (так!), тогдашний Калиф, приметив великую разность в списках Аль-Корана, разсеянных по областям державы своей, как на примере во Иракии и Сирии, по совету сотрудииков Магометовых велел снять многие списки с Аль-Корана Абу Бекирова, коего хранительницею, как выше сказано, была Гавса, под надзиранием Зейд

Эбна Табета, Абд Альлага Эбна Зобера, Саид Эбна Аль-Аса и Абд Аль-Рагмана Эбна Аль-Гарета Маггцумитского, предписав им за правило: дабы всякое место, которое различно они между собою толковать будут, написать наречием Кореишитским, коим писанный отдан был первоначально Магомету от Архангела. Когда поспели все такие списки, разослал по областям, ему принадлежащим, списки же старинные предал огню. При всем том, еще находятся разности смыслов в списках и таковых.

Недостаток букв в языке Арабском учинился причиною нужды иметь исправных чтецов Аль-Корана, дабы выходили точные смыслы онаго мест. Но и чтецы произносили буквы гласныя неодинаково же. Оное произвело еще трудность о сближении разностей сих: семь из чтецов предпочтены прочим, коих произношению гласных букв держатся Магометане до днесь.

Магометане оправдывают всякое противоречие в некоторых известных стихах Аль-Корана тем, что Богу угодно было по своему благоизволению подвергнуть таковыя места отвержению со временем, по причинам, ему одному известным.

Отметаема таким образом места, или стихи Аль-Корана, разделяются на три рода: 1, коих буквы и смысл отменить должно; 2, коих буквы отменить, смысл же оставить; 3, коих буквы оставить, а отменить смыслы.

На пример стих, ко отменению следующий: «Сыне Адама! Имеешь ли ты во власти твоей две золотыя реки, пожелаешь и третьей; возъимеешь ли и сию, пожелаешь и четвертыя. Чрево твое не насытится прежде, доколе не обратится в прах. Бог призывает токмо на кающихся».

Другий пример, сохраненный преданием, повествованный Абд Алаг Эбн Масудом, что некогда Магомет велел ему написать некоторый стих из Аль-Корана; но наутрие нашед, что место в книге сей, где изображался стих таковой, осталось пусто, слова же исчезли: идет к Магомету, уведомляет его о том, слышит от него, что стих сей угодно было Богу отменить.

В пример втораго рода стихов приведем следующий: «не возненавидь сродников твоих, ибо явишься не благодарен. Обращаешь ли мужа жен, людьми благими слывающих, в прелюбодеянии, избий обоих камением; тако повелевает Бог всемогущий и премудрый».

Третьяго рода стихов во Аль-Коране двести дватцать пять, в шести-десяти трех разных главах. Одним из таковых повелевается: «егда молишися, обращай лице твое к Иерусалиму... Совершай праздники по древнему обычаю... Снисходи ко идолопоклонникам, беги от невежд».

Некоторые Сунниты, сиречь правоверные, исповедуют вообще, что книга Аль-Коран несозданна, вечна, существующа в существе Божиим; что Магомет признает неверным всякаго мыслящаго инако. Однако же

Магометане, особливо же держащиеся раскола Мотацалитова и последователем учению Иса Эбн Собеиг Абу Мусы, проименованного Моцдар, тяжким грехом разумеют признавать два существа вечныя, а не Божие единое.

Споры сии великия производили бедствия в Магометанех под Калифами поколения Абас Аль-Мамуна. Издан тогда был закон, чтоб признавали Аль-Коран созданным. Аль-Мотазен и Аль-Вадгек, преемники Абас Аль-Мамуна, наказывали на теле, заключали по темницам, казнили смертью исповедовавших противное. Наконец, Калиф Аль Мота Кавель, царствовавший после Аль-Вадгека, пресек гонение сие и отдал каждому Магометанину на волю верить, как кто хочет.

Кажется, что Аль-Гтацали нарочито согласил оба противныя мнения, сказуя: «Устами произноси выписываемое из Аль-Корана, помещающееся во иных книгах и памяти человеческой. Но Аль-Коран есть вечен, ибо существует в существе Божием: следовательно, существо от существа отделяемо быти не может никакими для человеческой памяти, ниже внесением каковых либо слов из книги. Аль-Коран существенно есть в Бозе, а по сему и сосущественен, совечен ему есть, списки же со Аль-Корана, напротив, суть дела рук человеческих».

Умствование Аль-Ягедга, ересиарха сего же имени раскольников, заслуживают неумолчания. Говаривал он: «Аль-Коран есть тело, могущее преобразиться в тело же человека, или инаго какого либо животного». Согласуется сие со умствованием же тех из Магометанцев, что Аль-Коран имеет два образа: человеческий и животного. Тако подразумевается бывает, по мнению моему, и два рода толкований Аль-Корана: одно по разуму букв, другое по разуму смыслов. Некоторые из Магометанцев признают Аль-Коран созданным; находятся же и верящие, в разсуждении слога и содержаний, кроме изустных речений Пророческих о минувшем уже и грядущем, что естли бы угодно было Богу оставить на волю Аравлянам, могли бы сочинить книги не только не хуже Аль-Корана, но и превосходнее в красноречии, в порядке расположения, в чистоте языка. Тако мыслят раскольники Мотицалиты, особенно же Аль-Мацдар, о коем сказали мы выше, и Аль-Ношгам.

Как Аль-Коран есть исповедание веры и ознаменование должности Магометанцев, то и не удивительно есть великое число онаго толкователей и дополнителей. За нужное нахожу упомянуть вкратце о том, что наблюдают у Магометан толкователи и дополнители таковые.

Некто из ученнейших между ими разделяет смыслы стихов Аль-Корана на иносказательные и по разуму слов. Перьвые темны, запутанны, загадочны: сюда принадлежат стихи отмененные или отвергнутые по вышесказанному; вторые же ясны, просты, неоспоримы, резки.

Дабы быти в силах опознавать стихи Аль-Корана, когда, по какому случаю, и на какой конец, откровенны были Магомету Богом,

потребно совершенное сведение о преданиях, об обстоятельствах времен, о состоянии дел Аравии чрез те времена: дабы были в силах точно означать, в Мекке ль, или в Медине, которое либо именно учинено было откровение; отменено ли то там, или отменяет само собою другие которые либо стихи; прежде ли события или после, поставлено во Аль-Коране; связуется ли взаимно или нет стихами предыдущими и последующими. Словом, совключенные ли во иной какой либо стих, или сами по себе проявляют смысл свой.

Магометанцы, вообще, не дерзают коснуться книг Аль-Корану, предварительно не омывшись, как повелевает им закон их. А чтоб не проступить по неосторожности, то извне дски (так!) книги сей написаны бывают следующие слова: «Не прикасайтесь, нечистые», — читают со вниманием и благоговением, не опуская книги сей ниже пояса своего; ею клянутся; совершаются с нею в делах важных; носят с собою на войну; стихи пишут на знаменах, украшают золотом и драгоценными камнями, не попускают никакому иноверному брать в руки.

Не только разумеют осквернением святыни преложения Аль-Корана на иной какой либо язык, как некоторые Европейские писатели утверждают; но стараются о противном, особливо же в разсуждении языков Персидского, Яванского и Малейского: токмо неинако чтоб между строк Арабских значились строки языков сих.

## ВСТУПЛЕНИЕ

(современный русский перевод)

**С**лово «Коран»<sup>1</sup> происходит от арабского глагола «караа»<sup>2</sup>, что означает «читать», «чтение» или «то, что для чтения предназначено». Под этим названием магометане подразумевают не только саму книгу, но и каждую отдельную главу и каждой отдельной главы часть. Таким же образом и евреи называют свое Священное писание словом «Караг» или «Микра»<sup>3</sup>, происходящим от того же [общесемитского] корня, что и арабское слово «Коран».

<sup>1</sup> Араб.: القرآن (*ал-Куран'ан*). Здесь и далее все примечания, если не указано иное, д-ра теологии Д. В. Мухетдинова.

<sup>2</sup> Араб.: قرأ (*кара'а*).

<sup>3</sup> Слово «Микра» (от корня к-р-р, *k-r-r'*) — переводится как «чтение», «призыв», «то, что читается вслух». Это стандартный технический термин раввинистической литературы для обозначения любого отрывка из Священного писания, предназначенного для публичного чтения в синагоге. Сам же Танах евреи называют словом «Тора» или обобщенно — «Ха-микра» («Чтение»).

Но такое определение слова «Коран» противоречит мнению некоторых арабских ученых, утверждающих, что книга названа «Коран» потому, что состоит из глав, а глагол «караа» означает «собирать», «совокуплять».

Также противоречит это утверждениям тех, кто полагает, что эта книга не сочинялась время от времени, а была дана вдруг, то есть в один присест и не составлялась частями из отдельных откровений в разное время в течение многих лет, как утверждают магометане.

Обычно к слову «Коран» добавляется частица «Аль»<sup>1</sup>, означающая имя мужского рода, следовательно Коран и Аль-Коран — одно и то же.

Книга, о которой идет здесь речь, кроме этого, главного своего названия имеет еще много других. Как то:

— Аль-Фалькан<sup>2</sup>, от глагола «фарака»<sup>3</sup> — «разделять», или «различать», но, согласно объяснениям магометанских законников, не потому, что разделена на главы и части или что учит различать добро и зло, но соответственно еврейскому слову «Перек»<sup>4</sup>, происходящему от арабского глагола «фарака»<sup>5</sup>, означающего отделение или некую особую часть писания;

— Аль-Мозгаф<sup>6</sup>, то есть книга, состоящая из листов;

— Аль-Китаб<sup>7</sup>, книга изящнейшая;

— Аль-Джикр<sup>8</sup>, провозвестница.

Аль-Коран, или Коран, разделяется на сто четырнадцать неравных частей, называемых арабами «Совар»<sup>9</sup>. Впрочем, слово это у них почти не употребляется, и не в этом смысле, а кроме того — только в единственном числе как «Сура». Мы же будем называть их главами.

Сура понимается как последовательность, порядок, ряд, например, кирпичи в стене или строй военнослужащих. Сура у арабов и Тора у евреев суть слова равнозначные<sup>10</sup>; последние так называют пятьдесят три части Пятикнижия Моисеева «Седарим»<sup>11</sup>, что означает то же самое.

<sup>1</sup> Араб.: ال (ал-) имеется в виду определенный артикль арабского языка.

<sup>2</sup> Араб.: الفرقان (ал-Фуркан) — букв. «различение». Наименование 25-й суры (главы) в Коране: «Благословен Тот, Кто ниспослал Своему рабу Различение (Коран), чтобы он был предостерегающим увещателем для миров» (Коран, 25: 1). Цит. по: [Али А. Ю.]. Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями / гл. ред. Д. В. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2015. С. 958.

<sup>3</sup> Араб.: فرق (фарака).

<sup>4</sup> На иврите — פֶּרֶק (пéрек) — «отделение», «часть» или «глава». — Примеч. лит. ред. В. Г. Рохмистрова — далее: Примеч. ред.

<sup>5</sup> Вероятно, имеется в виду общий прасемитский корень «ph-r-k». — Примеч. ред.

<sup>6</sup> Араб.: مصحف (муṣḥаф).

<sup>7</sup> Китаб (араб. كتاب) переводится как «книга». — Примеч. ред.

<sup>8</sup> Араб.: الذكر (аз-зикр).

<sup>9</sup> Араб.: سور (сувар) — имеется в виду арабская форма множественного числа слова: سورة (сұра).

<sup>10</sup> Это сопоставление некорректно, поскольку слова «Сура» и «Тора» обозначают различные вещи. Сура — это глава Корана, а Тора — это Пятикнижие Моисеево. Вероятно, автор сравнивает их здесь на том основании, что, по мнению христиан, Тора — это одна из частей Священного писания. Также см. след. примеч. — Примеч. ред.

<sup>11</sup> Седарим (мн. ч. от ивр. седеp) — это общее название для больших и малых фрагментов, на которые в еврейской традиции делят весь свиток Пятикнижия (Торы) для чтения в синагоге в течение года. Обычно говорят не о 53, а о 154 или о 167 седарим. — Примеч. ред.

Главы Корана не пронумерованы, но каждая имеет свое название, за исключением первой, каковую ранние европейские переводчики на латинский язык не причисляли к главам, но полагали предисловием.

Заглавия отражают изложенное в каждой главе или заимствованы от лиц, чьи речи в них излагаются, но чаще всего, подобно тому, как и евреи придерживались обычно в их Седариме, взяты от наиболее значимого открывающего их слова. Впрочем, не во всякой главе подобное наиболее значимое слово находится в начале, а порой весьма далеко, и иногда в строках, главы завершающих. Подобная странность, надо полагать, произошла от того, что стих главы, содержащий это слово, произнесен был перед народом или запечатлен в писании прежде всех прочих, и поэтому каждая глава получила название свое прежде, чем была закончена, либо же прежде, чем была в соответствующем порядке изложена.

Некоторые главы имеют по два и более названий: причиной тому являются переписчики, работавшие в разных местах.

Одни главы были провозвещены в Мекке, другие — в Медине: и это также стало причиной различия именований. И читатель явно увидит, что многие главы посланы частью в одном из этих городов, а частью в другом; и от этого тоже ведутся у магометан вечные споры, принимать эти главы за мекканские или за мединские.

Каждая глава разделена на неравные части, которые называются «стихами», или по-арабски «айят», что означает то же самое, что и еврейское «оттот», или «чудо»<sup>1</sup>, — имя достойное для излагающихся в этих стихах Таинств Божиих, Его свойств, Его деяний, Его судеб, Его повелений. Многие из этих стихов имеют свои собственные названия.

Стихи в главах в магометанских рукописях не пронумерованы. Это будто бы почитается грехом. Но наибольшая часть изданий Аль-Корана нумерацию стихов содержит.

Главных изданий Аль-Корана, если считать таковыми ранние списки [по араб.: *масъахиф*], — семь. Два наиболее используемых были обнародованы в Медине, третье — в Мекке, четвертое — в Куфе, пятое — в Басре, шестое — в Сирии, седьмое же — общее для всех мест, где магометане живут.

В Коране первого издания шесть тысяч стихов, второго и пятого — шесть тысяч двести четырнадцать, третьего — шесть тысяч двести девятнадцать, седьмого — шесть тысяч двести двадцать пять; однако утверждают, что все они содержат семьдесят семь тысяч шестьсот тридцать девять слов, а букв — триста двадцать три тысячи сто пятнадцать. В этом магометане копируют евреев, столь же суеверно исчисляющих

<sup>1</sup> Еврейское слово «оттот» (ивр. *אֵיּוֹת*, от корня *א-י-ו*) — так же, как и *айат*, означает «знамения», «чудеса» или «знаки». — *Примеч. ред.*

буквы Закона Моисеева, отметив так же и то, сколько раз каждая буква содержится в Коране.

Кроме подобного неравномерного деления на стихи и главы магометане разделяют Аль-Коран на шестьдесят равных частей, каждая из которых именуется «Агцап», а в единственном числе «Гицб»<sup>1</sup>. Каждый «Гицб» состоит из четырех равных отделов, подобно тому как издревле евреи делили свою «Мисну» на шестьдесят частей<sup>2</sup>, или масиктотов<sup>3</sup>. Но обычно Аль-Коран делится только на тридцать частей, или Аизов<sup>4</sup>. Слово «Аиз» происходит от единственного числа слова «Юз»<sup>5</sup>. Каждый Аиз вдвое длиннее и также делится на четыре части.

Такое разделение Корана сделано ради удобства чтения в султанских мечетях и в приделах, где захоранивают самых знатных из их господ. В каждом таком приделе по тридцать чтецов, каждый из которых читает одну часть в день, и таким образом Аль-Коран прочитывается весь ежедневно. Мне случалось видеть тридцать таких переплетенных в отдельные книги частей.

В начале каждой главы, кроме девятой, стоит «Бисмилат»<sup>6</sup>, или следующие слова: «Во имя милосердного Бога». Также и в начале каждой книги и любого сочинения, какое бы мы ни взяли, магометане помещают этот «Бисмилат», почитая бесчестием его отсутствие.

Таким же образом и евреи ставят в начале каждого сочинения слова: «Во имя Господне» или «Во имя великого Бога», а христиане греческого исповедания: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

Магомет, согласно моему мнению, последовал в этом, как и во многом другом, персидским магам, все книги которых начинаются словами: «Бенам Ецдан баггсгаигсбгер дадар»<sup>7</sup>, то есть «во имя Бога праведного и милосердного». Магометанские же законники и толкователи Аль-Корана приписывают словам этим и названиям глав, так же как и их содержанию, божественное происхождение. Однако наиболее благоразумные из них не считают эти слова посланными Богом, а полагают добавленными людьми.

<sup>1</sup> Эти 60 частей называются не «агцап», а «хизб» (араб.: حزب) (во множественном числе — «ахзāб» (араб.: أحزاب)). — *Примеч. ред.*

<sup>2</sup> Мишна — это свод устных законов иудаизма, окончательно отредактированный рабби Йехудой ха-Наси в конце II — начале III в. н. э. Здесь речь идет о подсчете трактатов по старой системе, где их насчитывали 60. — *Примеч. ред.*

<sup>3</sup> У евреев 60 трактатов называются на иврите масехтот, ед. ч. масехта. — *Примеч. ред.*

<sup>4</sup> Араб.: أجزاء (аджā').

<sup>5</sup> Араб.: جزء (джуз').

<sup>6</sup> Араб.: بسملة (басмала).

<sup>7</sup> Этот прообраз мусульманской басмалы обычно употреблялся в текстах Герметического корпуса, распространявшегося на разных языках, и известен более в греческом варианте как *Ev óvómati τοῦ ἐπιόντος Θεοῦ* (Во имя Бога всевышнего). На фарси эта фраза звучит примерно так: *Бе нам-е ходаванд-е бахшанде*. Автор предисловия, по всей видимости, приводит фразу на одном из восточных диалектов, более точного соответствия обнаружить не удалось. — *Примеч. ред.*

Двадцать девять глав Аль-Корана начинаются буквами алфавита, большей частью одними и теми же, а некоторые — многими другими.

Магометане верят, что в них скрываются незримые тайны, каковые не дано уразуметь никому из смертных, кроме одного только их пророка. Но есть и такие, кто отваживается при помощи иероглифических исследований, называемых евреями «Нотарикон»<sup>1</sup>, постичь смыслы, полагая, что буквы эти означают Божественные свойства, Его творения, Его веления, Его судьбы, и потому известны как «Знаки Аль-Корана».

Другие полагают, что эти буквы позволяют человеку озвучивать языком своим эти вышеупомянутые свойства; а есть и такие, кто видит в них исчисление скрытых в них смыслов, что, согласно еврейской каббалистике, имеет название «Гематрия»<sup>2</sup>.

Пять глав Аль-Корана начинаются буквами: ...А, Л, М<sup>3</sup>... Одни полагают, что буквы эти означают: «Аллах Латив<sup>4</sup> Магид»<sup>5</sup>, то есть Бог милостив и да будет прославляем; другие видят в них: «Ана ли минни»<sup>6</sup>, Мне и Мною, то есть — во Мне всякое совершенство, Мною дается всякое благо; третьи: «Ана Аллаг Аллам»<sup>7</sup> — Аз есмь Бог премудрый. Первая буква А, Л — в середине второго слова, М — в конце третьего слова. Или еще так: «Аллаг Габриэль Магомет»<sup>8</sup>, будто кто-то хотел сказать: творец откровения, проповедник Аль-Корана.

Кроме того, некоторые думают, что буква «А» гортанная, то есть произносится непосредственно первой частью речевого аппарата — гортанью, буква «Л» произносится при посредстве средней части, буква же «М» — губами, то есть последней частью ононого; и в совокупности все это означает, что Бог есть начало, середина и конец всего сущего; или же, по-другому, что человек должен возносить хвалу Ему в начале, в середине и в конце каждого дела, творимого или произносимого. Арифметическая сумма всех этих трех букв равна семидесяти одному и будто бы знаменует посредством этого, что магометанский закон распространится и утвердится в народе через семьдесят и один год.

<sup>1</sup> Нотарикон (ивр. נֹטָרִיקוֹן) — это метод интерпретации священных текстов в иудаизме, основанный на представлении, что буквы могут скрывать дополнительные смыслы или целые фразы. Сам термин «нотарикон» впервые встречается в Мишне (трактат Шаббат, 12: 5). В талмудической традиции этот метод был одним из тридцати двух герменевтических правил, сформулированных Элиэзером бен Хосе ха-Гелили. — *Примеч. ред.*

<sup>2</sup> Согласно еврейской мистической традиции (каббале), гематрия (ивр. גִּמְטְרִיָּה) — это метод анализа смысла слов и фраз на основе числовых значений, которые присваиваются буквам еврейского алфавита. — *Примеч. ред.*

<sup>3</sup> Араб.: ا (алиф), ل (лām), م (мйм).

<sup>4</sup> Араб.: اللطيف (Ал-Латйф). Одно из 99 имен (эпитетов) Бога в Коране. См.: 6: 103; 22: 63; 31: 16; 33: 34; 67: 14; 42: 19; 12: 10.

<sup>5</sup> Араб.: المجيد (Ал-Маджйд). Одно из 99 имен (эпитетов) Бога в Коране. См.: 11: 73; 85: 15.

<sup>6</sup> Араб.: أنا لي مني (анā лй минй).

<sup>7</sup> Араб.: أنا الله علام (анā Аллāх ‘аллām).

<sup>8</sup> Аллах (Бог), Джибрил (ангел), Мухаммад (Пророк).

Один из христианских ученых также приводил весьма правдоподобное рассуждение, что эти три буквы были использованы магометанским переписчиком в ознаменование следующего смысла: ...Амар ли Магомед<sup>1</sup>, то есть... по велению Магомета<sup>2</sup>, то же что и написанные перед девяностой главой пять букв тем же еврейским переписчиком: «Ког Яас», то есть «так повелел он»<sup>3</sup>.

Слог Аль-Корана повсеместно принято считать самым чистым и ясным, потому что слагался он в Аравии, населяемой коленом кореишев<sup>4</sup>, вежливостью и возвышенностью мысли превосходящим все прочие арабские наречия. Создать что-либо подобное этой красоте слога, по мнению всех магометан, выше сил человеческих, что уже само по себе свидетельствует перед людьми о его небесном происхождении; и, таким образом, Магомет, прежде всего утверждая ниспосланное Богом, вещал перед народом: «Готов признать себя уличенным во лжи, если найдется в Аравии кто-либо наикрасноречивейший (в то время очень многие занимались риторикой), кто напишет хотя бы одну главу, способную выдержать сравнение с любой из глав Аль-Корана».

Из бесчисленного множества примеров того, что эта Книга по самой сути своей написана удивления достойным преизящнейшим слогом, приведу один. Поэма Лабид ибн Рабия<sup>5</sup>, наизнаменитейшего стихотворца времен Магометовых, была запечатлена на половине двери Мекканского храма; подобной чести удостаивались только те произведения, которые были признаны неподражаемыми, а на второй половине двери была помещена глава из Аль-Корана. Лабид, в то время бывший еще идолопоклонником, пришел, прочитал и, пораженный глубокомысленностью и красотой слога, воскликнул: «Не человеческих рук творение сие!» — и принял магометанство... Впоследствии Лабид оказывал Магомету великие услуги, отвечая стихами всем хулителям как его персоны, так и провозглашаемого им закона, а особенно

<sup>1</sup> Араб.: أمر لمحمد (амр ли-Мухаммад).

<sup>2</sup> Арабское слово *амр* (أمر) действительно значит «повеление», «приказ», «изречение». Что касается одного христианского ученого, то, по всей видимости, это Никита Византийский (IX в.), который в своем труде «Опровержение Корана» (Ἀνατροπὴ τῆς παρὰ τοῦ Ὑραβὸς Μωάμετ πλαστογραφηθείσης βίβλου), столкнувшись с этой аббревиатурой, интерпретирует ее так: то, что выглядит как «Амар», на самом деле — искаженное «Коран», а вся конструкция означает «по велению Магомета» (то есть Пророк сам составил текст, а не получил его от Бога). — *Примеч. ред.*

<sup>3</sup> Здесь имеется в виду масоретский текст Танаха. В одном из манускриптов перед 90-й главой переписчик (софер) собственноручно вписал пять букв — ког яас. Комментаторы, исследовавшие рукописи, поясняют: «то есть так повелел он». — *Примеч. ред.*

<sup>4</sup> Имеются в виду курайшиты — арабское племя, к колену которого принадлежал тесть Мухаммада Абу-Бакр и все остальные праведные халифы. — *Примеч. ред.*

<sup>5</sup> Лабид ибн Рабия (ок. 560–661) — арабский писатель и поэт, последователь Мухаммада. Принадлежал к «ал-мухадраму» (доисламские поэты, принявшие ислам). — *Примеч. ред.*

Амри Аль-Кансу<sup>1</sup>, владельцу из колена Асадского<sup>2</sup>, сочинившему одно из семи самых выдающихся стихотворений того времени, известных под названием «Аль-Моалакат».

Слог Аль-Корана течет рекой и везде красив, особенно в тех местах, где он передает пророческие слова и речения Библии; но иной раз бывает и кратким, а порой даже и темным, украшенный столь свойственными восточным народам риторическими фигурами, однако влекущим замысловатостью и многозначностью изречений. А там, где идет речь о величии Божиим и о Его Божественных свойствах, — высок и великолепен, несмотря на изложение прозою. Выражения, наиболее важные, завершаются рифмою, из-за чего порой смысл прерывается или переносится из одной строки в другую, давая повод к повторениям, и это оказывается весьма неприятным при переложении на какой-либо другой язык. Поэтому и трудно понять Аль-Коран, да и почти все прочие арабские сочинения.

Чудесное действие производит искусство выбора и расстановки слов, что, подобно музыке, очаровывает слух. Самые выдающиеся витии всегда почитали порядок расположения слов не последним условием красоты этого искусства.

Магомет, конечно же, прекрасно все это зная, нигде не упустил возможности, подражая пророкам Ветхого Завета, удерживать в своих мнимых откровениях перед народом таинств Божиих достоинство и высоту слога и при всяком удобном случае не забывал наполнить их перед своими слушателями привлекательностью, дабы совершенно склонить всех к тем мыслям, каковые хотел внушить. Многие из противников порицали его за то, что будто бы все исходящее из уст его имело обаятельную силу.

Главным намерением, или целью, Аль-Корана (передаю мнение некоего знаменитого ученого мужа), похоже, являлось то, чтобы обратить в одно единое исповедание веры все арабские племена, большинство из которых были язычниками, а остальные иудеями и христианами. Утверждаемый Кораном закон учил признавать единого Бога, вечного, незримого, все создавшего, дарующего бытие несуществующему, вседержителя, судью и владыку всего сотворенного и Им сотворяемого. Аль-Коран содержит в себе предания, некоторые известные законы, обряды и внешние чинопочитания — отчасти подобные

---

<sup>1</sup> Имру ал-Кайс жил в VI в. По одной из легенд, был сыном ал-Худжра II ибн аль-Хариса — последнего царя наждитского княжества племени Кинда. Имру ал-Кайсу приписывают первенство в развитии дескриптивной (описательной) лирики в арабской литературе. В своей знаменитой *касыде* (длинном стихотворении), которая входит в сборник «Муаллаки» (один из семи выдающихся памятников доисламской поэзии), он мастерски соединил описание природы, чувств и любовной лирики. До нашего времени дошли лишь эта *касыда* и несколько разрозненных отрывков. — *Примеч. ред.*

<sup>2</sup> В действительности Имру ал-Кайс воевал против асадитов. — *Примеч. ред.*

существовавшим в древности, отчасти же новоизобретенные, — возвещает временные и вечные награды за благие и наказания за злые дела.

Затем цель Аль-Корана заключается в том, чтобы Магомету как Пророку и Посланнику Божию повиновались все народы, и он со временем сможет силою оружия распространить свое учение по всему лику земному и стать во всех его концах единым верховным первосвященником и таким же единым верховным владыкой всего человеческого рода.

Таким образом, главным в учении Аль-Корана является признание существования единственного Бога, и что не было, нет и никогда не будет никакого иного истинного исповедания вечной и непреходящей веры, и что всякий раз, когда вера эта извращалась в роде человеческого, ниспосылал Бог для исправления ее своих Пророков, главными из которых были: Моисей и Иисус Христос, а Магомет послан в последний раз, будто бы запечатать Пророчества, и что после него уже никогда и никого иного до конца света не будет.

Склоняет Коран к послушанию примерами ужасных казней Господних — за отвержение Пророчеств, за изгнание пророков. Примеры эти взяты большей частью из Ветхого и Нового Заветов, но более всего из древних книг неизвестных писателей и из иудейских и христианских преданий того времени. И я вполне уверен, что во всем Аль-Коране нет ни единого примера, каковой был бы придуман самим Магометом.

Все прочее пронизано в Аль-Коране установлением самых необходимых в человеческом общежитии законов, советов и увещаний, призывающих вести добродетельную и богоугодную жизнь, прежде всего поклоняться единому истинному Богу, признавать его единственным Создателем и Вседержителем всего сущего и во всем вверяться Его святой воле. Есть среди этих правил изысканнейшие нравоучения, каковые достойны и для чтения христианами.

Есть в Аль-Коране много случайно попавших туда положений, годных для некоторых частных обстоятельств, потому что Магомет всякий раз, будучи озабочен чем-нибудь, прибегал к посредству нового откровения как верного средства решения всяких сомнительных вопросов. Эта его политическая хитрость не низводит весь Аль-Коран во всей его полноте на землю, но только до первого, ближайшего к земле неба; ведь если бы книга эта была обнародована не по частям, а вдруг, вся сразу, он был бы вынужден затем опровергать бесконечные возражения, порой трудные, а порой и непреодолимые. Заявив же народу, что Господь Бог ниспосылал ему книгу часть за частью, руководствуясь каждый раз необходимым наставлением, он предоставил тем самым себе возможность упреждать подобные затруднения.

Опровергающим вечность Аль-Корана магометане отвечают, руководствуясь принятым ими понятием предопределения Божия,

распространяющегося на все и, в частности, на происхождение Аль-Корана от самой вечности предустановленным порядком.

То, что Магомет действительно был сочинителем и выдумал Аль-Коран, сомнению не подлежит, хотя, возможно, он имел и помощников. Соотечественники его считали именно так, расходились лишь в определении имен этих помощников.

Ученый муж Придо<sup>1</sup> высказывал это наиболее правдоподобное мнение, хотя и основанное большей частью на христианских сочинениях, уважения не заслуживающих, поскольку все их повествование испещрено чудовищными небылицами.

Но как бы там ни было, магометане утверждают, что Коран не является сочинением их Пророка или кого бы то ни было другого, в том и состоит один из догматов их веры, что книга эта имеет необычайное происхождение, что она является вечной, как сам Бог, что она в Боге, так же как и Бог в ней, что первый список ее от самой вечности возлежал на престоле Вседержителя, запечатленный на чудесной доске, называемой «доска судеб», где записаны все божественные определения, относящиеся к минувшему и грядущему, и что список на бумаге с этого списка в месяце Рамадан доставлен был Архангелом Гавриилом с небес на самое нижнее небо в ночь, названную «Аль-Кадр», или ночь могущества<sup>2</sup>, и что с этого нижнего неба Гавриил приносил ее Магомету по частям то в Мекку, то в Медину в течение двадцати трех лет, в зависимости от тех или иных обстоятельств, при этом утешая его обещанием показывать ее один раз в каждый год полностью, в шелковом переплете, украшенном золотом и райскими драгоценными камнями... Магометане верят, что он был утешаем таким образом в последний год жизни дважды, верят также, что лишь некоторые главы были переданы ему Гавриилом целиком, а в основном только кусками и не по порядку, и так именно и списывались его писцами, пока не собралось под надзором Гавриила все сочинение. И все без исключения магометане придерживаются того мнения, что первые пять стихов девяносто шестой главы были вручены Гавриилом Магомету первыми.

По мере того, как запечатлевались стихи Аль-Корана перьями переписчиков Магомета или звучали из уст последнего, распространялись они в народе — частью в записях, но в основном выученными наизусть; записи передавались не по порядку, а согласно времени их появления, и так к друг другу и присоединялись, и поэтому неизвестно, когда именно каждый из них был вручен Архангелом Магомету. По смерти

<sup>1</sup> Джон Придо (1578–1650) — английский богослов, епископ Вустера. Высказывал мнение, что Коран был сочинен группой лиц. — *Примеч. ред.*

<sup>2</sup> Ночь ал-Кадр (араб. ليلة القدر), или Ночь могущества (также Ночь предопределения), — это особо почитаемая в исламе ночь, которая приходится на месяц Рамадан. По преданию, в эту ночь пророку Мухаммаду в пещере Хира были ниспосланы первые откровения Корана. — *Примеч. ред.*

Магомета все эти откровения остались в таком же беспорядке, а не так расположенными, как мы их видим ныне, последнее — дело рук приемника Магомета Абу-Бакира<sup>1</sup>. Он собрал не только то, что было написано на пальмовых листьях и выделанных кожах животных, которые — каждый лист и каждый кусок кожи — хранились между двух досок, но и сам еще записал все из слышанного им от Магомета. Хранительницей же всего этого собрания была избрана жена Пророка Гавса, дочь Омара<sup>2</sup>.

Поэтому Абу-Бакир и считается собирателем всех частей Аль-Корана в единую книгу, хотя не исключена вероятность того, что уже ко времени смерти Магомета книга эта была собрана в таком виде, за исключением некоторых мест, добавленных после или исправленных в соответствии с тем, что Абу-Бакир слышал от Пророка лично. После чего он только расположил главы известным ныне порядком, поместив наиболее пространные из них впереди.

На тридцатый год «Эгиры»<sup>3</sup>, или бегства Магомета из Мекки в Медину, бывший тогда халифом Оттман<sup>4</sup> заметил большое различие в распространенных по областям его державы списках Аль-Корана; и он, по совету сподвижников Магомета, повелел снять в Ираке и Сирии копии с Аль-Корана Абу-Бакира, хранительницей которого, как выше упоминалось, была Гавса. Определив ответственными за это Зеид Эбна Табета<sup>5</sup>, Абд Аль-лага Эбна Зобера<sup>6</sup>, Саид Эбна Аль Аса<sup>7</sup> и Абд Аль Рагмана Эбна Аль Гарета Маггцумитского<sup>8</sup>, он повелел им взять за правило: всякое место, имеющее отличия, обсуждать между собой и записывать наречием корейшским, на котором создан был Коран в первоначальном, переданном Архангелом Магомету, виде. После того как это было сделано, он разослал списки по вверенным ему областям, а все прежнее предал огню. Однако, несмотря на это, находят различия и в этих оставленных списках.

Из-за недостатка в арабском языке букв, чтобы точно передавать смыслы Аль-Корана, понадобилось иметь искусных чтецов. Однако и эти

<sup>1</sup> Имеется в виду первый праведный халиф Абу Бакр (ум. 634). В период его правления был начат процесс кодификации корпуса Корана. См.: *Мухетдинов Д. В.* Первые мусхафы до издания «Екатерининских Коранов» // *Ислам в современном мире.* 2024. Т. 20. № 4. С. 27–52.

<sup>2</sup> Хафса бинт Умар — дочь сподвижника Пророка ‘Умара ибн ал-Хаттаба, ставшего после смерти Пророка вторым праведным халифом после Абу-Бакра. — *Примеч. ред.*

<sup>3</sup> Араб.: *هجرة (хиджра)*. Переселение мусульманской общины во главе с пророком Мухаммадом из Мекки в Медину (тогда — Ясриб), произошедшее в 622 г. С этого события по сей день ведется мусульманское летоисчисление.

<sup>4</sup> Имеется в виду третий праведный халиф ‘Усман б. Аффан (ум. 656). В период его правления был завершен процесс кодификации корпуса Корана. См.: *Мухетдинов Д. В.* Первые мусхафы до издания «Екатерининских Коранов». С. 27–52.

<sup>5</sup> Зайд ибн Сабит (Зеид-бен-Табет, ум. 662/676) — один из сподвижников пророка Мухаммада, его вольноотпущенник и приемный сын. — *Примеч. ред.*

<sup>6</sup> Абдуллах ибн аз-Зубайр (624–692) — сподвижник пророка Мухаммада. — *Примеч. ред.*

<sup>7</sup> Саид ибн ал-Ас (ум. 678/679) — мусульманский военачальник, занимал посты губернатора Куфы и Медины. — *Примеч. ред.*

<sup>8</sup> Вероятно, имеется в виду Абдуррахман ибн Ауф ибн Абд ал-Харис ал-Кураши (ок. 580–652) — один из наиболее известных сподвижников пророка Мухаммада. — *Примеч. ред.*

чтецы произносили гласные по-разному. В результате возникла проблема их согласования, и из всех чтецов отобрали семь, произнесение гласных букв которыми утвердилось у магометан до сего дня.

Всякое противоречие в некоторых стихах Аль-Корана магометане оправдывают тем, что Богу по своему благоизволению было угодно, по причинам ему одному известным, по прошествии времени отменить их.

Отмененные таким образом места или стихи Аль-Корана разделяются на три рода: 1 — в которых следует отменить букву и смысл; 2 — в которых должно отменить букву, а смысл оставить; 3 — в которых букву оставить, а смысл отменить.

Вот следующий пример отмененного стиха: ... «Сын Адама! Имеешь ли ты во власти своей две золотые реки, пожелаешь и третью; возымеешь же ее, пожелаешь и четвертую. Чрево твоё не насытится, доколе не обратится в прах. Бог же соблюдает только кающихся».

Другой пример — это сохранный преданием рассказ Абд Алаг Эль Масуда<sup>1</sup>, будто некогда Магомет повелел ему написать некоторый стих в Аль-Коран; но наутро он нашел, что то место в книге, где запечатлел он этот стих, пусто, слова исчезли. Он пошел к Магомету, сказал ему об этом и услышал в ответ, что стих этот Богу было угодно отменить.

В качестве примера отмененного второго рода приведем следующий стих: «...не возненавидь сродников твоих, ибо станешь неблагодарным. Но если застанешь мужа и жену, людьми благими почитающихся, в прелюбодеянии, побей обоих камнями, так повелевает всемогущий и премудрый Бог».

Отмененных стихов третьего рода в Аль-Коране двести двадцать пять в шестидесяти трех разных главах. В одном из таковых содержится повеление: «когда молишься, обращай лицо твоё в сторону Иерусалима... Празднуй согласно древнему обычаю... Будь снисходителен к идолопоклонникам, избегай невежд».

Некоторые сунниты, то есть правоверные, вообще исповедуют, что книга Аль-Коран несотворенная, вечная, существующая в самой сущности Божией; что Магомет признает неверным любого, кто мыслит иначе. Тем не менее магометане, особенно придерживающиеся мотацилитовой ереси, последователи учения Исы Эбн Собеиг Абу Мусы, названного Моцдар<sup>2</sup>, почитают наиболее тяжким грехом признание вместо единого Бога двух вечных существ.

<sup>1</sup> Абдуллах ибн Масуд (594–653) — один из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, выдающийся мусульманский ученый, правовед и толкователь Корана. — *Примеч. ред.*

<sup>2</sup> Вероятно, имеются в виду мутазилиты (араб.: المعتزلة, му'тазила) — «обособившиеся, отделившиеся, удалившиеся». Основатели направления — Васил ибн Ата и Амр ибн Убайд. Здесь речь об Абу Мусе Исе ибн Собейхе (или Собихе) ал-Мордаре. Прозвище «ал-Мордар» («Моцдар») указывает на его принадлежность к мутазилитам. — *Примеч. ред.*

Эти великие споры принесли много бед магометанам во времена халифов из колена Аббаса аль Мамуна<sup>1</sup>. Тогда был издан закон — признать Аль-Коран созданным. Аль-Мотазен и Аль-Вадгек, преемники Аббаса Аль-Мамуна<sup>2</sup>, исповедовавших противное подвергали телесным наказаниям, заключали в темницы, предавали смерти. И наконец халиф Аль Мота Кавель<sup>3</sup>, правивший после Аль Вадгека, прекратил эти гонения и позволил каждому магометанину верить согласно своей воле.

По всей видимости, Аль-Ггацали<sup>4</sup> сознательно примирил оба эти мнения, сказав: «Устами произносится написанное в Аль-Коране, помещаемое в других книгах, запечатленное в памяти человеческой. Но сам Аль-Коран вечен, ибо существует в самой сущности Божией, и, следовательно, сущность от сущности отделена быть не может — ни будучи в человеческой памяти, ни среди любых прочих слов книг. Аль-Коран суть сущностно в Боге, и значит, сосуществен и совечен Ему. Списки же с Аль-Корана, напротив, суть дела рук человеческих»<sup>5</sup>.

Заслуживает упоминания здесь и рассуждение раскольника Аль-Ягеда, основателя ереси, названной его именем. Он говорил: «...Аль-Коран есть тело, способное преобразиться в тело человека или иного какого-либо животного»<sup>6</sup>. Это сопоставимо с рассуждениями тех магометан, которые видят в Аль-Коране два образа — человека и животного. В соответствии с этим, как я полагаю, существует и два рода понимания Аль-Корана: один согласно букве, другой согласно смыслу. Некоторые из магометан признают Аль-Коран созданным, но есть и верящие, что он не имеет ни в слогe, ни в содержании ничего необычного, кроме разве что пророческих речений о минувшем и грядущем. Но, дескать, если бы Бог позволил арабам, они могли бы сочинить книги не только не хуже Аль-Корана, но и превосходящие его как в красноречии, так и в стройности изложения, и в чистоте языка. Так полагают

<sup>1</sup> Ал-Мамун, Абу-л-Аббас Абдаллах (786–833) — аббасидский халиф с 813 г.; сын халифа Харуна ар-Рашида. — *Примеч. ред.*

<sup>2</sup> Преемниками ал-Мамуна были аббасиды ал-Мутасим (833–842) и ал-Ватик (842–847). — *Примеч. ред.*

<sup>3</sup> После ал-Ватика халифом был ал-Мутаваккил (847–861). — *Примеч. ред.*

<sup>4</sup> Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад ал-Газали ат-Туси (1058–1111) — исламский богослов и правовед, один из наиболее авторитетных мыслителей средневекового мусульманского мира.

<sup>5</sup> Это цитата из сочинения ал-Газали «Возрождение религиозных наук» (Ихйа' улум ад-дин). — *Примеч. ред.*

<sup>6</sup> Это замечание основывается на сочинении Мухаммада ибн 'Абд ал-Карима аш-Шахрастани «Книга о религиях и сектах» (*Китаб ал-милал ва-н-нихал*), где мы можем видеть следующее: «Ибн ар-Раванди передал с его слов: "Коран есть тело, которое может превращаться то в человека, то в животное". Это подобно тому, что рассказывают со слов Абу Бакра ал-Асамма, который утверждал, что Коран есть сотворенное тело». Речь в этом фрагменте идет о ветви мутазилитов — джахизитах, приверженцах Амра б. Бахра Абу 'Усмана ал-Джахиза, жившего в период правления ал-Мутасима и ал-Мутаваккила. — *Примеч. ред.*

раскольники мотицалиты, особенно Аль-Мацдар, о котором мы упоминали выше, и Аль-Нотгам<sup>1</sup>.

Поскольку Аль-Коран является для магометан исповеданием веры и распределением должностей, то и неудивительно, что существует огромное число его толкователей и комментаторов. Считаю уместным вкратце рассказать здесь о том, чем занимаются такие толкователи и комментаторы у магометан.

Один известнейший их ученый разделяет смыслы стихов Аль-Корана на иносказательные и на соответствующие значениям слов. Первые темны, запутанны, загадочны, к ним относятся стихи отмененные или отвергнутые, о каковых шла речь выше. Вторые же прозрачны, просты, однозначны и отчетливы.

Для того чтобы разбираться в стихах Аль-Корана, когда, где, по какому случаю и с какой целью были даны Богом откровения Магомету, необходимо в совершенстве знать предания, обстоятельства времени, состояние дел арабов в ту пору, чтобы иметь возможность точно обозначать, дано было то или иное откровение в Мекке или в Медине; отменено ли оно или само отменяет какие-либо другие стихи; прежде ли события или после внесено в Аль-Коран; взаимосвязано или нет с предыдущими и последующими стихами. Иными словами, благодаря единству с другими стихами или само по себе проявляет свой смысл.

Магометане вообще не рискуют касаться Аль-Корана предварительно не омывшись, как повелевает им их закон. А чтобы не погрешить по неосторожности, на поверхности обложки книги написаны следующие слова: «Не прикасайтесь нечистые, читайте со вниманием и благоволением. Не опускайте книги ниже пояса своего; ею клянутся, с ней советуются в важных делах; носят с собой на войну; пишут стихи ее на знаменах, украшают золотом и камнями драгоценными, не позволяют брать в руки никому из иноверцев».

При этом переложение Аль-Корана на любой другой язык, согласно утверждениям некоторых европейских писателей, не только почитают осквернением святыни, но еще и стараются противостоять этому, особенно по отношению к языкам персидскому, яванскому и малайскому, требуя, чтобы писались они только под арабскими строками.

---

<sup>1</sup> Имеется в виду Абу Мухаммад ал-Хасан ибн ал-Хусайн ан-Наззам (ок. 780–845) — одна из ключевых фигур движения. Он развивал идеи свободы воли человека, строгого единобожия (отрицание извечных атрибутов Аллаха), обсуждал проблему зла и пытался согласовать ее с идеей божественной справедливости. — *Примеч. ред.*

## THE INTRODUCTORY TEXT TO M. I. VEREVKIN'S "BOOK OF AL- QUR'ĀN BY THE ARAB MOHAMMED..." (1790): ORIGINAL AND MODERN RUSSIAN TRANSLATION\*

**Abstract.** The paper presents for the first time the original text of the introduction to the Book "*Al-Qur'ān* by the Arab Mohammed ..." (1790), together with its modern translation into Russian. The author of the introduction is the Russian educator, writer and translator M. I. Verevkin (1732–1795). The publication continues a series of studies by the Moscow Islamic Institute in collaboration with the Russian State Archive of Ancient Acts on the existence of the text of the *Qur'ān* in Russia and Europe. The conceptual basis of the preface is formed by two principles: the classic French translation of the *L'Alcoran de Mahomet* (1647) by André Du Ryer (ca. 1580–1660?) and the personal vision of the Russian translator M. I. Verevkin.

**Keywords:** *Qur'ān*, *Qur'ān* in Russia, *Qur'ān* in Europe, Verevkin M. I., André Du Ryer

**For citation:** Shpilenko D. P., Rokhmistrov V. G. The Introductory Text to M. I. Verevkin's "*Book of Al-Qur'ān* by the Arab Mohammed..." (1790): Original and Modern Russian Translation. *Islam in the modern world*. 2026; 22(2):263–288. (In Russ.); DOI: 10.22311/2074-1529-2026-22-2-263-288

\*



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© D. P. Shpilenko, 2026, typing text

© V. G. Rokhmistrov, 2026, modern Russian translation, notes

© Islam in the modern world, 2026

Received: 10.06.2026

Accepted: 30.06.2026

**Dmitry P. SHPILENKO,**

specialist of the 1st category,  
Russian State Archive of Ancient Acts  
(17, Bolshaya Pirogovskaya Str., 119435,  
Moscow, Russian Federation).  
E-mail: dshpilenko@yandex.ru

**Vladimir G. ROKHMISTROV,**

postgraduate student, Russian  
Christian Academy for Humanities  
named after Fyodor Dostoevsky  
(15, emb. Fontanka River, 191023,  
St Petersburg, Russian Federation);  
editor, Medina Publishing House LLC  
(12, Kirov Lane, 109382, Moscow,  
Russian Federation).  
E-mail: parmenidiki@mail.ru

